

Литературные известия

№ 12 (246)
Декабрь 2025

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

Сегодня
в номере:

Интервью

*

Новости

*

Рецензии

*

Поэзия

*

Эссе

*

Литературоведение

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

Дорогие друзья!

От всей души поздравляю вас с наступающим Новым годом!
Здоровья вам и новых творческих успехов!

И, конечно, мирного всем нам неба над головой!
Пусть процветают Союз писателей XXI века, ПЛК
(Профессиональные Литературные Курсы),
телеканал и телекомпания «Диалог»,
Дом творчества «Сосновый Пегас»,
холдинг «Вест-Консалтинг» — наша большая и дружная семья!

По-прежнему издательская деятельность для нас на первом месте.
И мы не намерены сбавлять обороты.

Периодичность выпусков наших изданий на 2026 год такова:

«Дети Ра» — шесть номеров в год; «Зинзивер» — шесть номеров в год;
«Футурум АРТ» — два номера в год; «За рубежом записки» — два номера в год.

Что касается наших газет, то периодичность «Литературных известий»
не изменится — двенадцать номеров в год. Газета общественных организаций
МИД РФ «Наша Смоленка», которая верстается в издательстве «Вест-Консалтинг»,
и газета «Поэтоград» в 2026 году также будут выходить ежемесячно.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ,
Президент Союза писателей XXI века,
Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг»

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ
КОМПАНИЯ
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ
НА РОССИЙСКОМ
РЫНКЕ 22 ГОДА

МЫ БУДЕМ РАДЫ
ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ
ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ
КНИГУ!

ИНТЕРВЬЮ

Елена Павлова — замечательная современная поэтесса и бард, постоянный автор издательства «Вест-Консалтинг». В этом номере газеты Елена отвечает на вопросы главного редактора «Литературных известий» Евгения Степанова.

ЕЛЕНА ПАВЛОВА: «СМЫСЛ ЖИЗНИ В САМОЙ ЖИЗНИ!..»

— Лена, я считаю тебя одной из лучших современных верлибристок. Твои верлибры (свободные стихи) немногословны и мудры. А кто твои учителя в верлибре?

— Благодарю за оценку моего творчества. Мне очень близки верлибры Геннадия Айги, Карена Джангирова, Вячеслава Куприянова, Виктора Сосноры. В них глубина, скрытая в немногословии. Их мировоззрение не для всех, но мне все понятно.

— Когда ты начала писать стихи? Помнишь свое первое стихотворение?

— С детских лет я читала наших классиков А.С. Пушкина, С.А. Есенина. Стихи я начала писать, как и многие, в отрочестве. Время первых чувств располагает к лирике. Вот одно из первых моих стихотворений.

Часы все время торопить,
Чтобы рассеялась разлука.
И лишь мгновенья вместе быть.
О. это истинная мука!

— По образованию ты физик. В душе и по призванию — поэт. Физика (наука в целом) помогает тебе или мешает в творчестве?

— Удивительно, но точная наука мне всегда помогает. Через нее видно связь наших тел с эмоциями души. И что интересно: стихи пишутся, когда в жизни происходят сложные события. А когда все супер, то и так хорошо, радость сама выплескивается в окружающий мир. Все тесно взаимосвязано в мире на квантовом уровне. И если прошлое уже ускользнуло в бездну, то будущее зависит от нашего творчества в настоящем. И это не простые слова, что мы делаем вклад в развитие Вселенной. Мы дети Бога...

— Ты пишешь песни. Играешь на гитаре. Работаешь с искусственным интеллектом. Как ты думаешь: может ИИ заменить в песенном искусстве композитора и поэта?

— Мое личное мнение, что нельзя рассматривать ИИ как замену человеку. Это всего лишь инструмент, помогающий в творчестве. По сути, он мыслит программами, которые мы в него вложили. Просто на современном техническом уровне скорость обработки информации сильно возросла, и это дало возможности писать более сложные программы. Если мы созданы по образу и подобию Божьему, значит умеем творить подобно Создателю. А ИИ всего лишь наша копия, следовательно — он только повторяет то, что уже создано человеком.

— Что такое поэзия? Дай определение!

— Это сложный вопрос. Если брать силлаботонику — можно сказать, что это рифмованные строки души, сложенные в правильный порядок. Но когда имеешь ввиду свободные стили стихосложения, то это прямой разговор с духом и его женским аспектом — душой. И еще есть очень хорошее русское слово «отдушина».

— В чем смысл жизни?

— А вот ответ на этот вопрос с высоты своих прожитых лет я уже знаю точно.

Окончание на стр. 2

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Кого в современном обществе можно с чистой совестью называть «молодым поэтом»? Цифры в паспорте не всегда отражают истинное состояние души. Порой мудрость, свойственная прожитым годам, сочетается в человеке с юношеской жадностью до жизни, помноженной на искренний интерес к другим людям. Именно эти качества, на мой взгляд, и определяют причастность к упомянутой категории авторов. Лишь искренне сочувствуя другим, проникаясь судьбами персонажей, можно создать произведение, трогательное сердца. Возраст не имеет значения, если человек сохраняет молодость духа, полон идей и готов делиться знаниями, а также учиться новому.

Олег Лич — новое имя в современной российской литературе. Новое и запоминающееся:

На тепло и на доверие
Благодеяние легло,
И в добрейшей из империй
Август правит так легко.

Тихие, трепетные слова. Что-то пастернаковское сквозит в первых строках, создавая оптимистичное и доверительное настроение. Хочется выдохнуть, поскольку автор создает атмосферу уверенности в завтрашнем дне. «Легкость правления» как будто сплавливает читателей, настраивая их на позитивный лад. Но чувствуется и принадлежность автора к жесткой иерархической структуре: август, будучи символом власти, предстает перед нами мудрым и рассудительным правителем. Хотя явные сравнения в данном тексте отсутствуют (есть лишь отсылка к истории древнего Рима), имплицитно автор сравнивает подвластную правителю территорию с уютным домом, где каждого окружает забота. Использование слова «доверие» вызывает ассоциации с надеждой и моральной поддержкой, что говорит о важности доверительных отношений в обществе. А «добрейшая империя» — это уже приглашение к диалогу с диссидентствующими поэтами: ты им говоришь о создании идеального общества, описываешь картину, в которой царит доверие и взаимопонимание, а они тебе в ответ возьми и выдай что-то вроде: «Если выпало в Империи родиться, / лучше жить в глухой провинции у моря»...

В стихотворении «Сентябрь» автор развивает тему, призывая индивидуумов дорожить имеющимся и сторониться необдуманных изменений:

Я не хочу мятежных слов,
Нездешних снов,
Вселенских мыслей.
Давайте жить как мы привыкли —
Без сотрясения основ.

В центре данного пятистишия лежит мысль о необходимости прочности взаимоотношений и взвешенных решений в окружающем нас мире: акцент делается на том, что размеренный образ жизни порой приносит больше радости и удовлетворения, нежели неутолимая потребность в инновациях. Поэт демонстрирует неприятие «бунтарских фраз» и «неземных мечтаний», метафорически обозначая любые кардинальные преобразования, подрывающие привычный уклад жизни, что можно расценивать как воззвание к поддержанию устоявшихся обычаев. Однако в этих фразах прослеживается явная уверенность и целеустремленность, акцентирующая стремление не отклоняться от традиционного жизненного уклада. Перед нами эмоционально заряжен-

Олег Лич
Хиромантия и астрология
Москва, «Вест-Консалтинг», 2025

ные строки: за свои убеждения автор готов и побороться, как минимум — переубедить революционно настроенного читателя. Можно ли сказать, что молодости чужд консерватизм?.. Возможно. И все же пылкий призыв поэта сохранять трезвость ума говорит о многом: слышите тревогу за всех нас, вместе взятых?.. Побудительное предложение «Давайте жить как мы привыкли» задает ритм стихотворения, подчеркивая главное требование автора.

Да и тяга к переменам поэту не чужда. Важно лишь, чтобы они осуществлялись не по принципу «разрушим до основания, а затем...» С тихой эволюцией испокон веков прекрасно справляется матушка-природа, и Олег Лич спешит нам сообщить о необходимости поучиться у нее неспешности:

Во что единственное верю,
Что в солнечный сентябрьский день
Тень от мохнатой серой ели
После двенадцати на север
Уйдет в полуденную лень,
Дрожа над мхами еле-еле.

Вера в «светлый день» воспеваает красоту и гармонию, которые порой мы способны увидеть только в привычных, едва заметных деталях нашего мира. В стихотворении ощущается атмосфера безмятежности и душевного равновесия. Поэт рисует образ нехитрых радостей жизни, отмечая значимость тихих осенних мгновений.

Но совсем по-другому звучит голос автора, когда речь идет о тех, кем он восхищается. Так, например, взрывает эфир посвящение Андрею Вознесенскому:

Гения презумпция
Оголенным нервом
Чувствовать все первым
В мировом безумии.

Порывистая, нервная интонация сразу напоминает нам о знаменитом поэте. Это его, фирменное: громкое звучание стихотворения, иностранные слова из лексикона юристов и политиков... «Мировое безумие» — это отсылка к царящему

вокруг беспорядку, в котором одаренные люди нередко чувствуют себя одинокими и жалуются на отсутствие признания. Жесткая аллюзия. Состояние гения на фоне удушающей обыденности передано автором с помощью точного эпитета: «оголенный» нерв видится нам крайне уязвимым, что усиливает остроту восприятия. Вот оно — сопереживание! Только собрат по творческому цеху способен в должной мере оценить «метания» поэта (кавычки здесь — отображение взгляда обывателя!). И зависти в этих строках нет, что тоже редкость в творческой среде. Автор стремится донести мысль о том, что гений — это не просто триумф и слава, но и колоссальный труд над собой, сопряженный с муками. Эта пронзительность балансирует на тонкой грани между восприятием реальности и отрешенностью от оной, и лишь подлинное сочувствие дает возможность осознать весь масштаб величия и трагизма, неотъемлемо связанных с существованием гения.

И, конечно, нельзя не сказать о любовной лирике автора. Стихотворение «Рассвет на набережной» передает нам волну восторга:

Я люблю твоих (навечно!)
Глаз зеленых острова.
А за ними — бесконечная
Предрассветная Москва.

Окончательно пьянею:
Я с тобой, рассветом, маем!
Все сильнее и сильнее
Вас с Москвою обнимаю.

«Рассвет» символизирует начало нового дня, это время надежды. Ну а любовь... Когда мы влюблены, то хочется обнять не только предрассветную столицу, а прижать к сердцу целый мир. Опьяняющее настроение рождает ауру воодушевления, где каждое слово пронизано яркими чувствами и ликованием бытия...

Олег Лич в своем дебютном сборнике ясно дает нам понять: он не собирается останавливаться на достигнутом. Первая книга как нельзя лучше показывает элементы индивидуального стиля и демонстрирует поэтические установки автора: юность души — это не кратковременное настроение, а глубокое мировоззрение, позволяющее оставаться бодрым, счастливым и полным идей, невзирая на прожитые годы.

Вера КИУЛИНА

ИНТЕРВЬЮ

Окончание. Начало на стр. 1

Смысл жизни только в самой жизни, потому что если нет ее, то и нет смысла.
А вот мои стихи. Они тоже о смысле жизни.

ЧЕЛОВЕК

с точки зрения
задуманного
человек
совершенен
несравним
и всего для него
достаточно

ВКУС

вкус жизни
когда каждый день
выглядит аппетитным

ЕЛЕНА ПАВЛОВА: «СМЫСЛ ЖИЗНИ В САМОЙ ЖИЗНИ!..»

СТАРОСТЬ

замечаем как стареют
наши домашние животные
и оттого боимся своего опыта
но ведь самое ценное только то
что нам слишком дорого достается

В КОНЦЕ

в конце пути
и своих
и чужих
остается мало
поэтому ценю
все

ВЕРА

в темные времена
верим всему и во все
телевизору интернету
магам астрологам
священнику
верим во все
только не в себя

ОПОЗДАНИЕ

наверно невозможно
опоздать родиться и умереть
возможно опоздать
жить

Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ

ПОЭЗИЯ

Олег ЛИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ КНИГИ «ХИРОМАНТИЯ И АСТРОЛОГИЯ»

Олег Лич — поэт. Член Союза писателей XXI века. Автор книги стихов «Хиромантия и астрология» (М.: «Вест-Консалтинг», 2025). В газете «Литературные известия» публикуется впервые.

ЯНВАРСКИЙ ХАБАРОВСК

Метели с обрывов
Скользили попарно —
Метель на метель.
Судьбою был выбран
Январский Хабаровск —
Белая колыбель.

Мороз и ветер.
Четверг? Воскресенье?
Советские времена.
Никто не заметил,
Что было Крещение
И середина дня.

Амур и проспекты
В снегу. Над ними —
Сотканный новый снег.
Назначено место,
И время, и имя —
Короткое имя Олег.

Снятся мне или помнятся
Дни,
Уходящие встарь?
Окна в родильной комнате,
Огни
И трескучий январь?

Кажется, помню:
Ветки
Ломают небесный поток.
Под снежной помпой —
Советский
И мой уже Дальний Восток.

Отсюда земная —
В Лету
Тропа моя. Не одинок.
Знаю —
За каждым рассветом
Мой навсегда восток.

СНЕГОПАД В СОВГАВАНИ

За ночь укутаны саваном
Сопки — подножья и склоны,
Напрочь Советская гавань
Зажата в клубах циклона.

Восточная кромка земли
Против снегов океана,
Порывы снежной мглы
Пробили сезон туманов.

Снова рычать и сутулиться
Ночной порой до утра,
Врезаясь в заносы улиц,
Людям и тракторам.

Вновь за окном сугробы,
Глубокие — метра два,
Мой караван двугорбый
Прилег посреди двора.

Нужно зажмуриться, чтобы
В горные хребты
Вмиг превратились сугробы
(Мне еще нет шести).

Зажмурюсь — слоны и слоники,
Заснеженные, идут
В мир мой — мой подоконник,
Укромный мой редут.

Зажмурюсь — и белоснежный
Под парусами фрегат
С именем светлым «Надежда»
С восходом идет на закат.

С надеждой уходит в плаванье,
Во взрослое бытие
Из брошенной ныне Совгавани
Советское детство мое.

Сколько всего еще будет —
Люди, дожди, города.
Но тот снегопад — прелюдия
Жизни моей навсегда.

ИЗ ЮНОШЕСКОГО

Годы как раны сквозные:
Рана есть — пули нет.
Как вы меня саданули,
Мои восемнадцать лет.

Рано, ах, слишком рано
Я понял тоску веков:
Что мои годы земные
С вечностью материков!

Расстрелянная Гондвана,
Случайный твой рикошет
Через века и туманы —
Мои восемнадцать лет.

1980

ПЕСНЯ ПОКОЛЕНИЙ

Мы молоды и песен,
Новых песен хочется,
И жизнь глядит на нас анфас.
Над городом Одессой
Ветры носятся.
И солнце каждый день — для нас.

Мы ищем, господа, законы,
Которые влекут вперед.
Ветра, ветра
Над городскими склонами.
И до утра
Такой полет!

Неровный свет
Струится над бульварами.
И нам по восемнадцать лет,

За клетчатыми шторами
Дней чересполосица,
На круглом кресле — плед.
С рассветами в просторы
Нам чрезвычайно хочется
Из дома улететь.

Детство обезглавлено,
Но годы впереди
Свежи и хлестки будут.
Скажите, как до главного
Каждому дойти
От перекрестка общих судеб?

ВЕТЕР

Ветер. В море шаланды
Глохнут от волн и порывов.
Горло и сильные гланды
Ветром соленым саднило.

И это еще вполсилы,
И это еще не всерьез.
Щелки у глаз накопили
Соленых от ветра слез.

Ветер. В прибрежных откосах —
Белый песчаный дым.
Не нужно слов и вопросов —
Просто быть молодым.

За мысом с крутым обрывом,
За облаком на косогоре
Во фраке с лиловым отливом
Чёрное Чёрное море.

А дальше — до горизонта
Седеющих волн толчея.
Назад развернется кто-то,
Но только точно не я.

За горизонтом белым,
За линией бытия,
Господа, что мне сделать,
Чтобы понять — кто я?

Не праздно, но и не веруя,
Без радости и без горя
Живу я, и дни мои серые
Уносит Чёрное море.

Где не было полезней
Донельзя кратких слов,
Односторонних лезвий
И сжатых кулаков.

Где улица — на улицу
И где глаза — в глаза.
А вздрагивать, сутулиться
И отступить нельзя.

Я помню беспредельно
Отважных вожаков,
Их барышень дебелих,
Своих и чужаков.

Мальчишеские стенки
Сходились: дождь — не дождь,
Из уличной шеренги
Так просто не уйдешь.

Но уличным солдатам
Хотелось в небо, в высь
И улететь куда-то —
В совсем другую жизнь.

От переулков жалких
И гулких мостовых,
От перепалок жарких
С ударами под дых.

От воронья дворового,
Заборов и сараев,
Над будками и сворами
Взлетая и сгорая.

От холода, застрявшего
В треснувшей фрамуге,
От пресного, вчерашнего —
К морю, Крыму, югу.

За крыши и за ставни
Все выше — в белый дым.
Из юности в отставку
Я вышел рядовым.

ОСТРОВКИ ВОСПОМИНАНИЙ

Сколько лет минуло, Господи,
Но все также на заре
Парусами реют простыни
В том окраинном дворе.

То, что прожил, то и истина.
Под забытым детским знаменем
Отправляюсь, как от пристани,
К островкам воспоминаний.

О, детство, синее и дальше —
Дыханье мандаринов с хвоей.
Порой отечные миндалины
Напоминают — ты живое.

Я помню, медом молоко
Для горла разводила мама —
Как это было далеко,
Но вспоминается упрямо.

Я знал библейские начала.
И елка на Рождество
Иголками напоминала
Гвозди в ладонях Его.

Еще я помню в сквере дождь:
Бежал, не замечал прохожих
И был уверен, что я вождь
Американских краснокожих.

Увы, житейская метла
Всех разбросала нас куда-то,
Но та индейская стрела
В моей руке всегда зажата.

И подворотни все
Бренчат гитарами,
И море бьет о парапет.

Над матовыми кровлями
Рассветы летят в розовом
На голубой простор.
Закаты обескровлены,
А значит — будут грозы
И первый летний шторм.

* * *

Я выжил среди выжиг,
Жиганов и воров
В проеме нищих хижин
И проходных дворов.

Я вырос на окраине,
Где истина и сны,
Железо и окалина
Не разделены.

НОВОСТИ

РЕШЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА СП МОСКВЫ ОТ 24 ОКТЯБРЯ 2025 ГОДА

Заслушав на заседании Секретариата СПМ заявление первого секретаря СПМ **Евгения Юрьевича Сидорова** с просьбой освободить его от занимаемой должности, Секретариат принял решение:

1. Принять заявление Е. Ю. Сидорова к сведению.
2. В течение ближайших месяцев провести внеочередную конференцию СПМ с основным вопросом повестки дня: выборы нового первого секретаря СПМ. С датой проведения конференции определиться на ближайшем заседании Секретариата СПМ.

3. Выразить Сидорову Евгению Юрьевичу благодарность за многолетнюю и плодотворную работу в должности первого секретаря СПМ. Предложить внеочередной конференции избрать Е. Ю. Сидорова председателем СПМ.

Секретарь СП Москвы

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ЛЬВА ЩЕГЛОВА В ЦДЛ

30 ноября 2025 года в Малом зале ЦДЛ состоялся вечер поэзии Льва Щеглова (1932–1996) — известного советского поэта, принятого в Союз писателей в 1974 г. по рекомендации Евгения Евтушенко. Поводом к проведению вечера стал выход новой книги с избранными стихами, прозой и воспоминаниями о поэте («Ярославский поэт Лев Сергеевич Щеглов», изд-во «Вест-Консалтинг» 2025, автор-составитель А. Ю. Никитский).

Вечер собрал ценителей поэзии Льва Щеглова, поэта-философа, прошедшего с детства серьезные испытания: арест и расстрел отца в 1938-м, участие в отражении бомбежек Ярославля в 1941–1943 гг., непростая служба в армии в 1951-м, тяжелая болезнь в 1960-м, заставившая всю остав-

шую жизнь ходить с палочкой. Несмотря на это Лев не только сохранил вкус к жизни, но и был автором многих юмористических и сатирических стихов на 16-й странице «Литературной газеты».

Из Ярославля на вечер приехал филолог, доцент Демидовского университета, к. ф. н. Денис Львович Карпов, пожалуй, единственный на данный момент профессиональный исследователь творчества Щеглова. Им были опубликованы статьи, его студенты защищали бакалаврские и магистерские работы по Щеглову, но смысл его выступления был

парадоксален: до публикации книги 2025-го года в Ярославле о жизни и судьбе Льва почти ничего не было известно.

Туман забвения рассеивала ведущая вечера — единственная дочь Льва — Екатерина Львовна Щеглова (Рябинова). Она рассказала о жизни отца, о знакомстве ее родителей в гостиную Зои Сахновской, об их взаимоотношениях. Автор-составитель книги А. Ю. Никитский рассказал о поисках в архивах и библиотеках Ярославля и Москвы. Многие моменты до сих пор нуждаются в прояснении, например, остается детективной историей с чемоданом рукописей, которые Лев отправил одной из последних жен в Алма-Ату. Надо отдать ей должное — трудами Людмилы Енисеевой-Варшавской в 2013 г. в Алма-Ате вышел в свет 2-х томник стихов Щеглова «Стихи из чемодана», который сейчас доступен в интернете. Но следы самого чемодана рукописей затерялись...

На вечере выступил поэт и прозаик, член СП Борис Семёнович Виленский, хорошо знавший Льва по 80-м годам XX века. Он рассказал, что все посиделки в кафе литераторов ЦДЛ начинались с поисков Льва, который был душой компании, человеком очень добрым, с острым умом и склонным к экспромтам. «Нынешних пройдох он бы метко пришил!» — закончил Борис свое выступление.

На вечере было много выступавших, в том числе и два внука поэта — Никита Щеглов и Артём Акинцев. По видеоканалу выступила детская писательница Лирида Кружкова, которую Лев напутствовал на творчество много лет назад.

Вечер завершился общим исполнением «Новогодней песни» на стихи Льва Щеглова, которая в последние годы становится очень популярной. Будем надеяться, что и творчество поэта Льва Сергеевича Щеглова — философское, ироничное, обостренно правдивое — тоже обретет заслуженную популярность!

Никита АЛЕКСЕЕВ

Фотографии из книги «Ярославский поэт Лев Сергеевич Щеглов (1932–1996)» (М.: «Вест-Консалтинг», 2025)

РЕКЛАМА

Издательство Евгения Степанова

серия «АВАНГРАНДЫ»

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Новейшая российская басня — жанр, направленный на читателя, склонного мыслить критически, однако не настолько социально активного, чтобы ради приведения в порядок общественного устройства выходить на улицы, протестовать и т.д. Не всем дан бунтарский дух, но многие из нас умеют мыслить трезво, оттого жанр басни, хоть и подзабыт, но жив.

Помните анекдот? Вовочка спрашивает папу о том, что такое басня и получает ответ: «Басня, сынок, это, видишь ли, когда животные, например, свинья с ослом, разговаривают, вот как мы с тобой...» И действительно, замени зверя человеком — и смысл басни исчезнет.

Животное олицетворяет собой постоянные черты характера: лиса — всегда хитрая, мышь — маленькая и трусливая, соловей олицетворяет талант и вдохновение. А человек? Сколько людей, столько и характеров. Чтобы раскрыть характер отдельно взятого индивида, не басню — роман сочинять надо...

В современных произведениях басенного жанра образы животных никуда не деваются, однако меняются времена — подвергается корректировке и содержание образа. Например, в этой книге автор поколдовал над образом медведя. В русском фольклоре происхождение медведя связано с неуклюжей, грубой силой, кроме того, этот гигант отличается тяжелым характером. Вспомним, как он испортил праздник в одном из самых известных произведений И.А. Крылова и посмотрим, что происходит сегодня, в настоящем издании. Обнаружим любопытную картину: медведь все тот же, а «масштаб» его разрушительной деятельности претерпел серьезную трансформацию.

Было: «Зачем на бал пришел медведь?»

Стало: «В лесу медведь зверей заступник, / а в басне он уже преступник».

У Сергея Корабо речь идет о том, как медведь пытается украсть мед. Для лесного хищника это обычное дело: его привлекают ульи. Более того, среди антропологов существуют догадки, что люди впервые попробовали мед диких пчел после того, как понаблюдали (конечно, издавелека!) за медведями. Однако у автора дело принимает общественно-политический оборот, тут уже не просто вмешательство в спокойный уклад пчелиного сообщества, а призыв к решению любого конфликта дипломатическим путем, ведь сплоченный коллектив всегда даст отпор агрессору. И да, не надо брать чужое:

Хотел он улей утащить,
с одной Пчелой он мог бы жить,
но как поладить, если рой
за ту пчелу стоит горой.
А наглубить одной Пчеле,
то значит — призывать к войне.

Готика — это устремление вверх, сплошной, витой, усложненный вектор движения; такими же механизмами работает поэзия...

Книга «Готика» Екатерины Яковлевой, выпущенная издательством «Вест-Консалтинг», хорошо демонстрирует такую устремленность, через сложное кружево преград, через собственное низовое, багрово-красное — вверх, чем бы это не было чревато в современном, предельно прагматичном и эгоистичном мире.

Красивые стихи, прорастающие цветами зла — чтобы над оными, используя волшебные возможности эстетики, расплутались световые шары:

Белесой плесенью туман
Пророс на Граде Обреченном,
И в настроеньи отвлеченном
«Сегодня» бродит где-то там.

Бессмысленность роняет тень
На одинокие побеги,
Из помыслов взойдут калеки,
Явь стала ниже на ступень.

День осыпается золой,
Существование все нелепей,
Но что есть жизнь — всего лишь пепел,
На ветер брошенный судьбой.

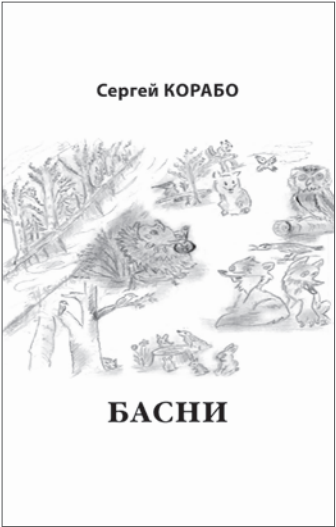
Строки гранятся, слова собираются с ювелирной точностью, и картины, входящие в современность, словно противоречат ей, слишком интенсивно закрученной вокруг материального...

Стихи Яковлевой... порой кажется — бесплотны, но нет, здесь — другая словесная плоть, иные мерцания, своеобразные зыбкости, уловимые только чутким сердцем.

Страшные — тяжестью содержания — стихи не редкость для Яковлевой; жестко сделанные, они обжигают сознание

Сергей Корабо
Басни

Москва, «Вест-Консалтинг», 2025

Или — басня «О друзьях». Действующие лица: кот, мыши и... лопух. Он же — репей. Колючий. Злой. Ничего хорошего из взаимодействия флоры и фауны не выходит, более того — все в итоге пострадали: кот голоден, лопух скошен под корень, а бездомные мыши наводнили хозяйский подвал. Мораль? Она проста:

В друзьях — Лопух! Считай беда,
колючек много и всегда.

Репейник — это сорняк, он живуч и неприхотлив. Но от него трудно избавиться. Вливается намертво своими колючками, не больно, но неэстетично. Животное в репьях — или бездомное, или на самовыгуле: дорвалось до свободы и полезло куда не надо, в густые заросли. За животное тревожно: вернется ли домой, не заблудится ли... А лопух — как зацепится за шерсть, так и не отстанет, пока человек не вмешается. За это «цепляющееся» свойство растения его и не любят. И доверчивого, наивного человека свысока называют «лопухом»: ложь и сплетни так липнут к нему, и кто-то сильный, разумный обязательно должен его защитить. Подстраховать, иначе тот «нахваляет», фигурально выражаясь, серых соцветий... Дружить с таким трудно. Не опасно, но неприятно: приходится держать ухо востро, чтобы друга-простака не обвели вокруг пальца...

Очень любит Сергей Корабо образ ежа. Достается бедолаге от автора: то он играет на мандолине и рвет струны, то гибнет от лап хорька, то его утаскивает на дно водоема прожорливая щука. А еще он рискованно играет в шашки со львом, и хитрая лиса подсказывает царю зверей:

Играют в шашки Лев и Ёж,
обычной жизни суета,
«Ты, Лев, здесь в дамки не пройдешь,
держишься подальше от борта», —
советует ему Лиса.

Партия в шашки — метафора социальной динамики, где каждый ход может иметь серьезные последствия, отражает сложность человеческих отношений и выборов. Стихотворение с помощью простых символов и короткой структуры передает глубокую мысль о жизненной стратегии, о том, как каждый из нас выбирает свой путь и взаимодействует с миром вокруг. По сути, это не просто игра, а поучительное размышление о том, как важно быть спокойным и разумным в любых жизненных ситуациях. Партию выигрывает колючий, и это обстоятельство весьма не нравится лисе. Ее совет «держишься подальше от борта» раскрывает динамику игры и подсказывает, что некоторые действия могут привести к опасным последствиям. Еж — символ определенной защищенности, однако он маленький, и у него уязвимое брюшко: не успел вовремя свернуться в шар — и все, пропал. Его персонаж контрастирует с мощью Льва, подчеркивая важность умения действовать тонко и продуманно. У ежика есть помощник — соловей, который сверху видит доску и может дать ценный совет. А лиса и лев представляют собой олицетворение известного тандема — властителя и льстеца-вельможу.

Нужна ли басня сегодня? Как жанр она жива, хотя и тяжело ей конкурировать и с философской притчей, и с разнообразием злободневных сочинений типа стихков-пирожков. Современные авторы могут использовать басню для привлечения внимания к проблемам общества или обсуждения актуальных тем, оставаясь верными структуре жанра. Книга Сергея Корабо — пример того, что жанр басни остается актуальным и имеет возможность продолжать свое развитие, адаптируясь к современным реалиям.

Вера КИУЛИНА

Екатерина Яковлева
«Готика»

Москва, «Вест-Консалтинг», 2025

Ведь речь идет о новых крыльях, сулящих и новые полеты. Сумрачность колорита:

Надгробный камень холодит мне спину,
Рассыпался букет кровавых роз,
Луна вокруг сплетает паутину,
Скажи, что эта драма не всерьез.

Надгробный камень высится чертою, —
Нас равнодушно разлучил гранит,
И тело теплое мое, живое,
В тебе желаний не воспламенит.

Жизнь всегда играет разными оттенками, как смерть, как ощущение совмещенности — проигрыша и выигрыша; и, многое сплетая, поэт добивается космического эффекта созвучий:

Смерть ощущается как сон —
Полет Души в ночное небо,
И черный космоса бутон
Сомкнется, словно стены склепа.

Не торопись умчаться в сны
Сквозь тьму туманностей, хотя,
На темной стороне Луны
Я жду тебя.

Сон. Свет. Смерть.
Темнота и тишина.
Многое заставляет перечувствовать заново поэзия
Екатерины Яковлевой.

Александр БАЛТИН

Иосиф РУХОВИЧ ИРОНИЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Иосиф Рухович — поэт, прозаик, литературовед. Член Союза писателей XXI века с 2024 года. Живет в поселке Томилино (Московская область).

Дом-квартира у Булгакова из дореволюционного прошлого перебирается в новые времена, пытаясь сохранить свои вековые традиции. Что очень дорого Булгакову. Он описывает жизненное пространство героев с теплотой, любовью и даже нежностью. Чего стоит описание изразцов в доме Турбиных («Белая гвардия»), возле которых выросли и маленькая Лена, и другие члены большой и дружной семьи. В подсознании читателей возникает вечный образ — «очаг» возникает во всех смыслах этого слова. Затем очаг слегка пародийно и на короткое время перебирается в подвал мастера, создавая уже иллюзию уюта. Но дом Турбиных со всеми его прелестными ритуалами, интерьером, застольем, общением и чувствами героев в новые времена уже не может служить крепостью, трещит и разрушается под действием внешних событий. И с гибелью главы семейства, по всей видимости, прекратит свое существование.

Серьезное давление испытывает и великолепно устроенная семикомнатная квартира профессора Преображенского со служанкой и кухаркой («Собачье сердце»). Но сотрясается уже изнутри, ибо сами обитатели порождают чудовищную разрушительную силу — Шарикова. Великолепная метафора революционных катаклизмов в России! Попытки внешнего — Швондер — давления пока с трудом отражаются, но надолго ли?

Старые дома перекочевывают и в пространство «Мастера и Маргариты». Но во что они превращаются? В «нехорошую квартиру», в которой чертовщина, подчеркивает Булгаков, поселилась задолго до Воланда. В квартиру Маргариты, доставшуюся какому-то советскому служащему, так и не появившемуся на страницах романа. Совершенно пустую, в которой в полном одиночестве пропадает наша героиня. А во что превратился Дом Грибоедова?

Знаменательно, что желая отомстить критику Латунскому, Маргарита громит именно его жилище — как символ преуспевания на фоне подвала мастера.

Ненавистен Понтию Пилату и дворец в Ершалаиме. Надо полагать, дворец тоже пуст — Пилат заходит в него, если не ошибаюсь, только один раз — для деловой встречи с Афранием.

И вот все эти строения превращаются у Булгакова в Антидома. Стиль их описания меняется до отвращения. Вспомните квартиру с голой легкомысленной купальщицей в ванне, в которую врывается Бездомный, — грязна, захлавлена, тускла и угрюма.

Заметим, что люди в этих Антидомах не столько появляются, сколько исчезают.

Отдельным оазисом выступает подвал мастера. Мастер пытается во всем этом враждебном мире выгородить себе хоть крохотную часть, ибо для творчества Дом все-таки необходим. Как только мастер отказывается писать, подвал превращается в убогость и гибнет.

В конце романа Булгаков всю Москву превращает в антидома. Помните? В окнах — во многих, не во всех, — «... зажигалось изломанное ослепительное солнце». «Изломанное солнце» — сам по себе достаточный адский символ, но Булгаков усиливает: «Глаз Воланда горел также, как одно из таких окон, хотя Воланд был спиной к закату». То есть окна горят адским пламенем.

И все это подлежит у Булгакова гибели. Часть беспощадным огнем, а вот все остальное...

Тут у Булгакова просто сумасшедший образ — мгла, накрывающая и поглощающая ненавидимый прокуратором Ершалаим и многострадальную Москву. Как обычно, писатель мимоходом замечает: «как это бывает во время мировых катастроф». Ах, вот как, черт возьми! Рассказ о мастере — это

не только конкретная история, она вписывается в историю мира! Оказывается, людей испортил не только квартирный вопрос.

К теме *мировых катастроф* мы еще вернемся. Сейчас важно, что художественный язык превратил небольшую фразу Воланда в целый океан смыслов. И мы могли бы еще долго говорить о ее многозначности.

Как убедительно показал А. Барков, практически все персонажи романа Булгакова имеют ироничные намеки на те или иные исторические фигуры. Но... Прошло уже почти сто лет со времени написания романа, и многие имена уже мало что скажут современному читателю. Например, я с восторгом узнал в Коровьеве известного в ту пору драматурга Николая Эрзмана, сценариста знаменитого фильма «Веселые ребята», который, по слову Воланда, пошутил не там, где надо и дольше чем надо. Но и фильм уже полузабыт, и вряд ли кто вспомнит остроумные сценарии, пьесы, шутки и анекдоты этого писателя. А жаль! Вот шутки Эрзмана, которые актер Василий Качалов рассказал Сталину. Говорят, вождь долго смеялся, но затем шутника отправили в места не столь отдаленные:

Однажды ГПУ пришло к Эзопу
И взяло старика за жопу.
А вывод ясен:
Не надо басен!

Вороне где-то Бог послал кусочек сыра.
Читатель скажет: Бога нет!
Читатель, милый, ты придира!
Да, Бога нет. Но нет и сыра!

Туман времени коснулся и большинства остальных персонажей, которые благодаря прототипам получились очень полнокровными. Поэтому всех заинтересовавшихся отправляю к работе Альфреда Баркова, не пропустившего, кажется, ни одного персонажа.

А мы с вами сосредоточимся на раскрытии замыслов Булгакова, что невозможно без привлечения огромной фигуры советской литературы...

Я говорю о мастере. Совершенно очевидно, что никакого отношения к самому Булгакову он не имеет. Как и Маргарита — к Елене Сергеевне.

Кстати, удивительная вещь. Конечно, ненапечатанный роман мало кто читал, но все-таки читали. Вспомним чтения Максудова в «Театральном романе», да и в самом «Мастере» читателей библиейского романа немного, но они есть. А современники — народ любознательный и очень словоохотливый, с удовольствием описывающий самые незначительные детали жизни и, конечно же, творения автора. Тем более, что пишут об уже ушедших временах. Так вот, серьезных упоминаний о прототипах я не нашел. Видимо, было наложено суровое табу... Некоторого внимания заслуживают записки Елены Сергеевны, но она, как говорится, заинтересованный свидетель.

Барков привлек обширнейший материал и убедительно доказал, что под мастером Булгаков явно имел в виду большого писателя, общественного и литературного деятеля — Алексея Максимовича Горького. «Отца» социалистического реализма.

Вот одна из тонких едких ироний: «Он надел эту шапочку и показался Ивану и в профиль и фас, чтобы доказать, что он — мастер». Кто еще из литераторов мог рассчитывать на медальные и монетные профили и фасы? Не доказывал же мастер таким странным способом, что он мастер.

И тут во всю величину встает вопрос о мастерстве. Как мне кажется, это — одна из основных тем и замыслов романа.

Слово «мастер» для русского уха звучит как довольно положительная характеристика. То есть знаток, умелец, хорошо владеющий профессией, имеющий опыт и так далее. Но в основном мастерство характеризует техническую сторону дела. И в любом деле мастерством нужно владеть. Никакой, даже самый высокий, замысел не будет достаточно убедительно воплощен без владения техникой. Но каждое дело имеет особенности, а литература — тем паче.

Мастерство составляет неразлучную диалектическую пару с художественностью — в их вечной борьбе.

Художественность — прежде всего желание выразить себя. Но для этого она должна уметь это делать, иначе превратится в мычание. Художественность и мастерство представляются мне полюсами одного поля, на котором разворачиваются события произведения. Так посмотрим, что творится на них и между.

Художественность без мастерства — самодеятельность. Хотя даже в самых неуклюжих стихах нет-нет, да и мелькнет истинная поэзия. Такие стихи могут вызывать умиление или раздражение, но всерьез не воспринимаются.

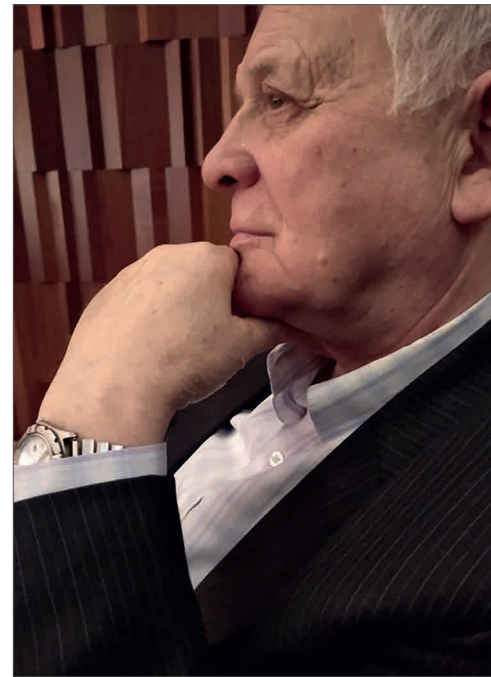
Мастерство без художественности... Нет! Такое себе представить просто невозможно. Мастерство само по себе рождает художественность, пусть даже и орнаментальную. Но это, как бы поточнее выразиться, не высокая художественность, а чаще всего просто штамп. Естественнo стремиться к идеальному сочетанию, но это редко кому удается. Маятник качается и для каждого писателя, и для литературы в целом. Тут все дело в амплитуде, которая определяет временем.

А в какое время действует роман Булгакова и в чем его литературные особенности?

Прежде всего, тридцатые годы прошлого века характеризуются возникновением и расцветом социалистического реализма. Необходимость искусства не ставилась под сомнение ни партией, ни ее вождями. Естественнo, искусство рассматривалось как мощный идеологический инструмент по воспитанию нового коммунистического человека. А посему подлежало строгому идеологическому надзору. Сталин, например, читал все написанное советскими литераторами, нередко высказывал свое мнение, которое становилось подавляющим... Не пропускал спектакли. Так, по свидетельству очевидцев, семнадцать раз смотрел во МХАТе «Белую гвардию» Булгакова. Внимательно слушал музыку. И даже, как считают многие искусствоведы, выступил автором известной анонимной статьи «Сумбур вместо музыки», направленную против Дмитрия Шостаковича.

Но новое время требовало новых авторов. И тут возник дефицит кадров. Многие русские писатели отплыли неизвестно куда на «философском пароходе», а оставшиеся явно склонялись к традиционной русской литературе. Со всей остротой встал вопрос — где взять новых? Конечно же, из рабочего класса! Но их надо *научить* писать. Так в те годы возникла дискуссия о *мастерстве* писателя. Идея, на первый взгляд, проста и понятна — взять толкового парнишку и преподать ему уроки литературного письма. Что получается без таких уроков — ярко описал Борис Лавренев в образе Марютки в трагедии «Сорок первый».

Учатся же, и по многу лет, художники, музыканты, балерины. Так, может быть, и писателя надо учить? За эту идею горячо взялись Луначарский, Горький, замечательный поэт и исследователь литературы Валерий Брюсов и другие. Брюсов даже написал книгу со значащим названием-оксюмором — «Ремесло поэта». Книга, кстати, весьма

глубокая и, несмотря на название, прежде всего посвящена художественности.

На другом конце дискуссии были Булгаков, Алексей Толстой и еще некоторое количество больших писателей. Они предупреждали, что мастерство *убивает художественность*. Это, конечно, сильное преувеличение, художественность немыслима без мастерства, но крен в сторону мастерства ни к чему хорошему художественную литературу привести не может.

Хочется высказать собственное мнение по этой дилемме с высоты, так сказать, прошедших лет.

Техника литературного письма чрезвычайно сложна, может быть, даже сложнее, чем в любом другом виде искусства, несмотря на кажущуюся, на поверхностный взгляд, простоту. Но можно ли технике научить? С древнейших времен технике рисования, ваяния, музицирования учили опытные мастера, передавая свой опыт. Тут длительна и сложна физическая сторона дела — нужно «набить» руку, глаз, слух... И помощь учителя совершенно необходима. Но кто-нибудь слышал, чтобы учили писать стихи? Более того, большинство поэтов и писателей имели образование совсем в других областях — математике, инженерном деле, медицине и так далее. И даже зачастую продолжали заниматься своей «рабочей» профессией. Примеров масса. Врачи Чехов и Булгаков, лауреат Нобелевской премии *по литературе* физик Бертран Рассел, школьный учитель математики Александр Солженицын...

Сейчас уже стало банальностью выражение — воспитать поэта нельзя. Но считается, что научить его мастерству можно. По моему глубокому убеждению — не только нельзя, но и просто опасно.

Расскажу один эпизод, просто просящий-ся в притчу.

Мой внучок, ярковыраженный левша, был определен в секцию бадминтона. Конечно, мы его напутствовали, что надо во всем слушаться тренера, выполнять задания, стараться и тому подобное. Через некоторое время выяснилось — внучок играет правой рукой. В чем дело? Оказалось, что на первом же занятии милая девушка объявила: «Так, дети, взяли ракетку в правую ручку и...». Надо ли говорить, что великого бадминтониста из моего внука не получилось.

В каком-то смысле все писатели — левши, а учителя требуют взять перо в правую руку.

Особенность писательского дела в том, что не только не требуется «набивать руку», но и ни в коем случае нельзя этого делать. Писатель обязан учиться писать всю жизнь, до самых преклонных лет. Собственно, если он уже не может учиться, то это и есть преклонные литературные годы — независимо от возраста. Но вот учить его нельзя, пусть держит перо в какой угодно руке. Художественность, давящая его изнутри, должна найти выход только в собственной

Продолжение на стр. 7

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Иосиф РУХОВИЧ
ИРОНИЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА*Продолжение. Начало на стр. 6*

форме, что в конечном итоге и есть мастерство. И сделать он это может только сам, участь на собственных успехах и неудачах и читая огромное количество литературы и о литературе. Конечно, элементарные знания о метре, рифме, ритме, строфике ему необходимо дать, но это делается еще в школе.

Посмотрим, как иронизирует по поводу «мастерства» Булгаков.

Прежде всего, мастер, столкнувшись с соцреалистической критикой, заявляет, что он писать больше не будет. Особой иронии здесь нет — сломался писатель, что подделай. Подействовала критика, больше похожая на донос, это определенные действия властей, на что Булгаков прозрачно намекает... Не борец мастер, не герой, не станем же мы его осуждать за это.

Но вот в превращениях Бездомного ирония Булгакова тонка, скрытна и грустна, если не горька.

В первой главе Иван Николаевич предстает не только знаменитым, но и *талантливым* поэтом. Это потом уже мастер с пренебрежительной иронией уничижительно скажет о его стихах, «*что ж, я других не читал*», превращая всю советскую поэзию в безликую и бездарную. То есть Бездомный, в глазах мастера, тот самый парнишка, которого научили писать стихи. Да и сам Бездомный станет негативно отзываться о своем творчестве. И мы под гипнозом этих «авторитетных» высказываний будем того же мнения. Но в первой главе сам Берлиоз, хорошо разбирающийся в литературе, что неоднократно подчеркнуто Булгаковым, дает очень высокую оценку таланту Бездомного: «*Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича — изобразительная ли сила его таланта (...), но Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой*». Вы можете придумать большой комплимент поэту?

И тут Бездомный подвергается соцреалистической обработке. Писать следует не то, что хочешь и можешь, а то, что надо. Да, поэт «*очень хорошо и сатирически изобразил*», но печати поэма не подлежит. В критике и наставлениях Берлиоза, в его системе доказательств несуществования Иисуса, кроме иронии, проступает четкая грань между мастером и художником: мастер должен знать — когда, что и как писать, а вот художник всего этого не то, чтобы не знает, но слушает, прежде всего, себя. «*И даль свободного романа, / Я сквозь магический кристалл / Еще неясно ощущал...*». Проще говоря, мастер знает, что напишет, а художник порой даже не догадывается.

Затем Иван попадает в руки мастера, объявляющего поэта своим *учеником*. Чему учил мастер и, главное, когда, остается за пределами романа, но результат «обучения» совершенно потрясающий — Бездомный заявляет, что уже никогда не будет писать. Так чему он учился у мастера?

В конце романа лихой и самобытный поэт Бездомный вообще исчезает и в очень грустном финале появляется уже в облике ординарного профессора Ивана Николаевича Понырева — с «*исколотой памятью*», которому колют какую-то темную жидкость, чтобы он вообще ничего не вспоминал. И только при полной весенней луне что-то брезжит в его сознании, что-то о бывшей когда-то настоящей жизни...

Не в этом ли один из замыслов и ирония Булгакова? В эпоху построения социализма и соцреализма талантливым художникам места нет — мастер как художник умирает еще при жизни, а затем и вообще успокаивается, а талантливый Бездомный становится «*бывшим поэтом*»...

Обратим внимание, что мастер постепенно превращается из художника, *имеющего дар* описывать мир, в мастера, знающего, как это делать. О том, что дар описывать у него пропал, он сообщает Бездомному.

Если в образе мастера Булгаков явственно намекает на Горького, то не случилось ли у того в жизни нечто подобное? Писал ли он что-то вроде библейского романа мастера? В принципе не должен был. В нашем — советском — представлении, Горький был кристально чист перед революцией и партией как великий пролетарский писатель. Давайте сразу договоримся — Горький большой, может быть, очень большой, писатель, оказавший влияние на всю мировую литературу. И, безусловно, таким являлся в глазах Булгакова: «*Не симпатичен мне Горький, как человек, но какой это огромный и сильный писатель...*».

Но какие-то намеки у Булгакова все-таки должны быть. Перечитаем внимательней все, что касается библейского романа.

Так вот же оно! Прямо на поверхности!

У всех, кто в романе Булгакова касается библейского романа, удивление и даже изумление: «Как? Сейчас?! В наше время?!». А в чем, собственно, дело? Какое нужно время, чтобы написать исторический роман о Понтии Пилате? В это время писалось много исторических произведений. Например, «Пётр I» Алексея Толстого, встреченный, как говорится, бурными аплодисментами. Нет, мастеру постоянно тычут — несвоевременно! Господи! У Горького же есть такая книга, которая так и называется: «Несвоевременные мысли». Книга эта печаталась в газете «Новая Жизнь», а отдельным изданием небольшим тиражом вышла в 1918 году где-то в Прибалтике. В советское время, правда, эта книга никогда не издавалась, более того, и не упоминалась. А сам Алексей Максимович от нее, по-видимому, отказался. Но Булгаков наверняка читал.

Ко мне эта книга попала в результате археологических раскопок в эпохальных отложениях центрального московского букинистического магазина, прямо под окнами известного здания на Держинской площади. А обладание этой книгой могло привлечь ненужное внимание этих окон. И чуть не привлекло, когда я дал кому-то почитать.

Книга Горького, с очень значащим подзаголовком «Заметки о революции и культуре», заслуживает отдельного и большого разговора. Сейчас же я ограничусь собственным впечатлением.

Книга очень честная и реалистическая — вплоть до натурализма. Описывается, так сказать, жуткая практика установления власти большевиками. В ней собственные наблюдения, рассказы очевидцев, письма участников событий и другая документальная проза. И, конечно же, оценка и размышления писателя о происходящем на его глазах. До революции Горький разделял убеждения социалистов и революцию приветствовал. Но то, как она реализовывалась, страшно его поразило. В море крови и звериной жестокости он не увидел Культуру и, прежде всего, права человека, которые он считал главными целями революции. Методы Ленина и его команды, жестокость и беспощадность, отвращают его от происходящего и заставляют переосмыслить основы идеологии. Книга носит явный и яркий антиленинский характер, показывая фанатичное стремление вождя к власти любой ценой. Но цена проливаемой крови, считает Горький, намного превышает стоимость цели.

Сюжетной переклички книги Горького с библейским романом я не увидел, разве что в глубоком философском плане: выбор между житейской необходимостью, кто и как ее понимает, и нравственностью, которая вроде бы для всех одна.

А вот в судьбах произведений и авторов прослеживается явная аналогия.

Склонный к афористичности поэт Иосиф Бродский говорил: «*Если имеешь смелость что-то писать, то имей и смелость отстаивать написанное*». Прекрасно сказано! Я только позволил бы себе уточнить формулу Бродского: «Если имеешь *смелость* что-то писать, то имей

и мужество отстаивать написанное». Оба автора проявили изрядную смелость *написать* полотна с высоты человеческих достоинств и нравственности. Запечатленное ими время предстает объективно и без прикрас. То есть художественная задача выполнена.

Но дальше от писателя требуется «*внести свою форму в мир*», как считал Александр Блок. А вот это уже требует терпения, мужества и настойчивости. Мужества громадного, а порой и отчаянного. И именно этого качества не хватает нашим авторам. Они сами в ужасе бегут от своих произведений.

В самом деле, что происходит с мастером? Столкнувшись с негативными процессами восприятия своего романа, с несправедливой критикой, откровенной ложью и инсинуациями, мастер во всем обвиняет свой роман и не только отказывается от него, но и делает его ненавистным. То есть, скажем прямо, трусливо от него сбегает. Конечно, в романе мы глубоко сочувствуем автору, возмущаемся вместе с Маргаритой оголтелой идеологической писаниной всяких латунских и даже приветствуем разгром квартиры. Но факт предательства мастером своего романа остается фактом.

Более того, заканчивается библейский роман уже совсем невероятно — полным оправданием Понтия Пилата и выводит убитого и убийцу чуть ли не под ручки, на «*широкую лунную (призрачную)*» дорогу социалистического реализма. У меня от этой картинки просто мороз по коже. Убийственна ирония в последней беседе Иешуа и Понтия Пилата: «*...какая пошлая казнь! Но ты мне скажи — (...) — ведь ее не было! Молю тебя, скажи, ведь ее не было! — Ну, конечно, не было — отвечает хриплым голосом спутник, — это тебе померещилось. — И ты можешь поклясться в этом? — заискивающе просит человек в плаще. — Клянусь — отвечает спутник...*». И дописывает роман не мастер, а его верный ученик Иван Николаевич Понырев — «*после укола*», меняющего «*неестественное освещение во сне, происходящее от какой-то тучи, которая кипит и наваливается на землю, как это бывает во время мировых катастроф*».

Заметим попутно, что многие произведения Булгакова заканчиваются ироничными фантастически-невозможными концовками, как бы подчеркивая, что выхода нет. В «Собачем сердце» Шариков вновь превращается в собаку. Но мы-то понимаем, что это как паста из тюбика — выдавить можно, а вот обратно — никак. В «Роковых яйцах» — в августе мороз...

Параллельно перипетиям романа развивается неровная линия любви наших героев. И тут мастер норовит сбежать под предлогом как бы не сделать свою любимую несчастной с ним. А лишить ее любви — осчастливить? За любовь нужно бороться, а это требует мужества.

Горький поступает со своей книгой куда страшнее. Он не только отказывается от нее, но печатает лубочные картинки жития святого Ленина в работе «В. И. Ленин», в которой вождь мирового пролетариата предстает добрейшим и умнейшим человеком на Земле. Куда-то делись жестокость и беспощадность Ильича... «*Но ты мне скажи — ведь ее не было! Молю тебя, скажи, ведь ее не было! — Ну, конечно, не было*». Это ли не законченное предательство своей честной книги?

Не потому ли и мастер, и Горький не заслужили Света? А только покой. То есть смерть.

Заканчивая сопоставления мастера и Горького, остановимся на еще одном моменте.

Альфред Барков полагает, что Горького Булгаков имеет в виду и под Берлиозом. На советской арене Горький предстает в двух, почти не пересекающихся, ипостасях: как художник-мастер и как глава советской литературы. В этом смысле «отрезало голову» звучит как обезглавливание. Прежде всего, МАССОЛИТА. Эту аббревиатуру Барков остроумно расшифровывает не только как «массовая литература», но и «мастера советской

литературы». Заседание без Берлиоза уже не только иронично, но и просто пародийно.

К сожалению, в одной статье невозможно объять необъятные глубины романа. Да и нужно ли? Дальше вы уж сами, уважаемый читатель. Раскройте книгу на любимых страницах, положите под правую руку работу Баркова, полную ценнейших сведений, а, может быть, — чем черт не шутит! — сказал бы Воланд, — и мою статью под левую — и наслаждайтесь!

Но одной из главных загадок — романа в романе — невозможно не коснуться. В самом деле, что это за прием изобрел Булгаков? Над чем иронизирует?

Литературоведы, в том числе и А. Барков, исходят из совершенно правильного положения, что раз Булгаков поместил оба романа под одну обложку, то следует найти взаимодействия художественных текстов. И находят. Чего стоит, например, параллель между Низой и Маргаритой. Но все это не снимает вопроса о глубинном смысле приема. На что намекает Булгаков?

Как мы уже видели, роман Булгакова исключительно литературен, то есть взаимодействует с большим количеством произведений и богатой литературной жизнью описываемой эпохи. Так, может быть, и объединение «античного» и «московского» романов должно отослать нас к какому-то источнику?

Но поиски аналогов в русской и мировой литературе меня ни к чему не привели. Как вдруг взгляд упал на лежащую на столе Библию, с которой я сверял булгаковский текст. Господи! Вот же оно!

Действительно, разве в Библии не соединены два совершенно разнородных текста? Даже более того, две разных религии. Разнородных — как по содержанию, так и по стилю. Ветхий Завет — основа иудейской веры, и Евангелие — христианской. В первой части действует кровь и мщение, Бог, заботящийся о поклонении себе. Во второй — Благая весть об Иисусе, вызывающая к человечности. Хочу предупредить — я никоим образом не кощунствую и не касаюсь вопросов веры, я лишь рассматриваю Библию как литературное произведение. По всей видимости, как и Булгаков. Именно неисчерпаемая художественность Библии порождает на протяжении тысячелетий множество толкований, направлений и даже целых конфессий.

Но как могут уживаться эти тексты под одной обложкой?

Исторически вроде бы ясно. Первые христиане были евреи и, естественно, рассматривали Иисуса как очередного пророка. Распространившись по миру, христианство оторвалось от иудейских корней, но, тем не менее, сохранило Ветхий Завет в почти первозданном виде.

Так не в этом ли заключается композиционная ирония Булгакова? Еще раз хочу повторить — ирония не сатира и не сарказм, а только «противное разумею».

Такое привлечение Библии — как внетекстовой структуры романа Булгакова — порождает множество ассоциаций. И, прежде всего, «античный», как бы библейский, текст романа превращается в Ветхий завет, а житие, мучения и смерть мастера — в Новый. Понятно, что это всего лишь глубокая ирония. Роман явно антисимметричен или, лучше сказать, диссимметричен Библии.

Я бы не стал рассматривать *пилатовы главы* как булгаковский вариант Евангелия. И не следует считать их «Евангелием от сатаны», хотя первая глава античного повествования напечатана именно Воландом.

Во-первых, Иешуа присутствует только в первой главе романа и только в диалоге. Внимательный читатель вспомнит, что он появляется еще на последней странице романа — во сне Ивана Николаевича Понырева,

Окончание на стр. 8

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Иосиф РУХОВИЧ
ИРОНИЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Окончание. Начало на стр. 6

но это уже сказочный соцреалистический финал. Основное место от начала и до конца занимает Пилат — его действия, поступки, размышления. Перед нами трагедия человека, осознавшего необратимость собственной трусости. Иешуа мы ассоциируем с Иисусом канонических Евангелий, и потому нам кажется, что он главный герой. Но в тексте романа это совершенно не так.

Во-вторых, Булгаков сам неоднократно подчеркивает, что роман о Понтии Пилате. О его трусости и предательстве, приведших к мученической казни Иешуа, а не о добровольно принятых нечеловеческих муках. Более того, Иешуа просит не бить и не убивать его. Еще одна тонкая и скрытая ирония — именно так переписывали историю советские мастера социалистического реализма. Как вам под таким углом зрения диалог в конце второй главы: «— А не надо никаких точек зрения! — ответил странный профессор, — просто он существовал, и больше ничего. — Но требуется же какое-нибудь доказательство... — начал Берлиоз. — И доказательств никаких не требуется — ответил профессор...». Действительно, достаточно магии чешуйчатого слова. И никаких других точек зрения не надо, есть одна-единственная, но совершенно правильная. Непонимание иронии, принятие буквально и всерьез неоднозначного текста приводит к толкованию совсем не того романа.

Объединение разнотипных текстов, будь то исторически сложившиеся, как в Библии, или сознательный композиционный прием, немедленно порождает динамическое взаимодействие между частями и деталями... Возникают все новые и новые смыслы. К сожалению, фрактальное проследивание связей, параллелей и ассоциаций выходит далеко за пределы одной статьи. Остановимся лишь на общем для обеих частей романа совершенно невероятном образе.

Это образ мглы, накрывающей Ершалаим и многострадальную Москву. Как мы пом-

ним, «это бывает во время мировых катастроф». О каких катастрофах идет речь?

В ершалаимской части романа это, прежде всего, казнь Иешуа. В соотношении с евангелиевским распятием понятно, какие вселенские катаклизмы ждут нашу планету.

Проповедь Иешуа грозит катастрофой иудаизму и израильскому народу. Это прекрасно понимает первосвященник Каиафа, защищая свои ценности и навлекая гнев всемогущего Пилата. Покрываясь пятнами, с горящими глазами и скалясь, говорит: «Не мир, не мир принес нам обольститель народа в Ершалаим...». Так и напрашивается — «не мир, но меч». И дальше: «Но я, первосвященник иудейский, покуда жив, не дам на поругание веру и защиту народ!» Как известно, не защитил, а напротив — казнью сильно осложнил жизнь и себе, и своему народу...

Если последствия ершалаимской катастрофы просматриваются в будущем, то московская катастрофа имеет реальные черты настоящего. Ознакомившись с последствием своего социального эксперимента над ни в чем неповинным народом, Воланд нагоняет кипящую тучу — и мгла поглощает Москву. То есть та жизнь, что была так мила сердцу Булгакова (вспомним «Белую гвардию»), провалилась в тартарары и больше никогда не возродится.

Так что же за роман мы с вами прочли? И, наверное, будем читать еще не одно столетие.

Для меня основной прием романа — ирония, экономящая массу психической энергии и примиряющая писателя с самыми чудовищными событиями, — отрезанием и отрыванием голов, кипящими тучами, трусостью и предательством, с чем примириться никак нельзя. И в то же время роман чрезвычайно серьезен, ибо «противное разумеет». Он порождает у нас улыбку, но и заставляет напряженно думать, отыскивая все новые и новые смыслы. И, конечно же, побуждает задуматься о нашей собственной судьбе, судьбе нашей страны и народа.

Прежде всего, это полотно написано с очень высокой точки зрения. Как, например, картины Питера Брейгеля. Выполнена основная задача романиста — запечатлеть время. Мы видим, слышим и осязаем наше прошлое, настоящее и будущее. Но какие?

В прошлом, по замыслу автора, остались добротные милые сердцу Дома с благоустроенным бытом, без каких-либо квартирных вопросов. Интеллигентные, воспитанные и хорошо образованные люди. Осталось там и творчество с великолепным мастерством. И именно оттуда роман о Понтии Пилате — с осуждением трусости... В общем, весь тот дорогой сердцу Булгакова мир, который уже никогда не вернется.

А вот в настоящем — с ироничной улыбкой — Булгаков оставляет нам какую-то чертовщину, которая неизвестно сколько будет длиться. Здесь и доверчивые люди, раздетые догола очередным социальным экспериментом и рассчитывающиеся ничего не стоящими бумажками. Здесь и нескончаемый квартирный вопрос, который всех портит. Здесь и советские служащие, принудительно-слаженно распеваящие песни — как апофеоз единогогласного согласия с проводимой партией линией.

Кстати, а что за песню они распевают? Когда-то, в первой половине XX века, да и в доброй четверти второй, песню эту знали все. Сейчас же она почти забыта и воспринимается читателем просто как хоровое пение. Но у Булгакова «просто» ничего не бывает. Советую ознакомиться с текстом, не пожалеете.

А суть этого эпического полотна в каторжанине, тяжело пробирающемся на волю через глухие леса, болота и водные преграды. Последнее осуществляется на вместительной омулевой бочке с требованием к пронизывающему восточному ветру — Баргузину — энергичней пошевеливать вал — управляющее бочкой устройство. Куда плывет это замечательное плавсредство и что ждет нашего свободолюбивого заключенного на той стороне

Байкала, мы не совсем понимаем, но главное — двигаться вперед. Судя по тяжелому мотиву и нелегким словам, мы имеем дело с политкаторжанином — не стали бы слагать такие саги по бандиту.

Песня становится ироничной метафорой революционного движения народа к светлому будущему. Но подойдет ли он к нему? По-моему, у Булгакова большие сомнения. Тем более, что руководить им будут пустые партийно-бюрократические костюмы.

Но самая горькая и едкая ирония Булгакова посвящена всепобеждающему методу социалистического реализма. Роман как бы предупреждает, что могут сотворить даже с самым замечательным текстом мастера литературного дела, инженеры человеческих душ. Здесь ирония Булгакова по понятным причинам очень скрытна, но если проследить за движением романа, то становится очевидной.

Русской литературе, как бы ни была горька описываемая действительность, все-таки присущ оптимизм, исходящий из самой сути русского народа и его религии. Надежда нас никогда не покидает.

А как обстоят дела с будущим в романе Булгакова?

На первый взгляд, Булгаков ничего светлого не видит. Москва съедается тьмой, раскалывающей молниями небо. Мы видим ироничную фальшь примирения Иешуа с Пилатом, который весь роман проходит «в белом плаще с кровавым подбоем»; мастера, отказывающегося выращивать в реторте нового гомункула и обреченного «слушать беззвучие»; бедного Иванушку, превращенного в беспмятного Ивана Николаевича Понырева... Да и сам Воланд, «не разбирая никакой дороги, кинулся в провал»...

И тем не менее, оптимизм все-таки присутствует. И в самом ироническом стиле романа, и в многочисленных значащих «нестыковках», взгляде на все происходящее.

И, конечно же, в знаменитой фразе, давно оторвавшейся от романа: «Рукописи не горят».

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

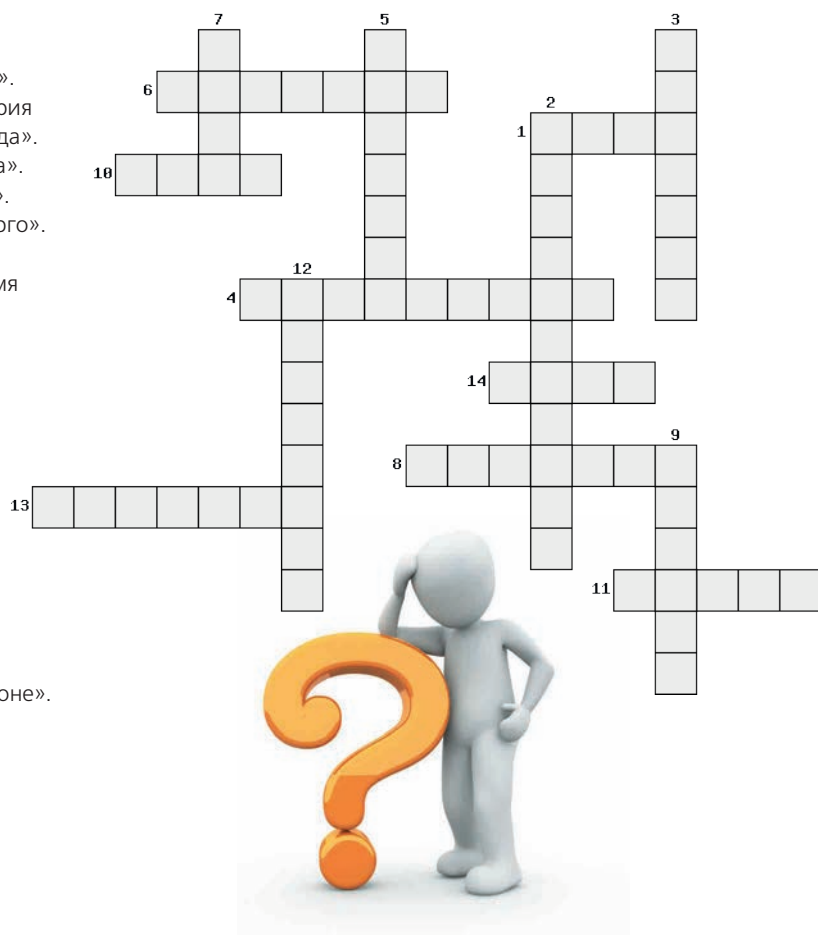
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД
ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

По горизонтали:

- Автор сборника рассказов «Приключения Шерлока Холмса».
- Автор романа «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».
- Автор романа «Анна Каренина».
- Автор романа «Свет в августе».
- Автор романа «Королева Марго».
- Автор романа «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны».
- Автор романа «Жизнь насекомых».
- Автор романа «Приключения Тома Сойера».

По вертикали:

- Автор романа «Идиот».
- Автор романа «Отец Горио».
- Автор романа «Тихий Дон».
- Автор романа «Луна и грош».
- Автор романа «Ночь в Лиссабоне».
- Автор романа «Отцы и дети».

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)
и литературно-творческого объединения МИД России
«Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>
E-mail: stepanov@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Вера Киулина,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФЦ77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

ISSN 2949-3528

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 4773 Общий тираж 5000 экз.